

А. Н. Насонов

Монголы и Русь

**История татарской политики на
Руси**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

А11 **А. Н. Насонов**
Монголы и Русь: История татарской политики на Руси / А. Н. Насонов – М.:
Книга по Требованию, 2021. – 178 с.

ISBN 978-5-458-55377-3

ISBN 978-5-458-55377-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

указания на политику монголов на Руси можно встретить в научно-популярных и научных сочинениях, начиная с «Истории Российской» Щербатова, в работах И. Беляева, Костомарова, Преснякова, Прислкова, Покровского и др.

В общей оценке значения татарского ига на Руси мы видим большие расхождения. Одни историки придавали монгольскому завоеванию очень большое значение, главным образом как фактору, будто бы способствовавшему развитию государственного начала на Руси или даже определившему это развитие; по их мнению, монгольское иго способствовало или даже определило образование самодержавия и единодержавия (Карамзин, Костомаров). Другие историки считали, что влияние монгольского ига на развитие нашей страны вообще было незначительно (Соловьев, Ключевский). По-видимому, в дореволюционной обстановке легче воспринималась мысль об активной политике русских князей в Орде, чем мысль об активной политике татар на Руси, даже теми историками, которые придавали татарскому игу большое значение. Современная историография XIX — начала XX в. Россия была государством с доминирующим над другими народностями Восточно-европейской равнины классом великорусского центра. Представление о современной им России они невольно переносили в известной мере на былые времена. Они охотно рассуждали о результатах политики русских князей в Орде, но вопрос о татарах на Руси не изучали или касались его мимоходом. В большинстве случаев они держались мнения, что п а с е и н о е поведение монголов содействовало процессу государственного объединения Руси.

Наше исследование обнаруживает наличие монгольской политики (в указанном смысле: такой политики, когда завоеватель направляет внутривластные отношения в завоеванной стране в интересах своего господства) более чем на протяжении полутора столетий. Мы доказываем, что монголы вели активную политику и основная линия этой политики выражалась не в стремлении создать единое государство из политически раздробленного общества, а в стремлении всячески препятствовать консолидации, поддерживать взаимную рознь отдельных политических групп и княжеств. Такой вывод предполагает, что единое «великорусское» государство, каким мы его видим в XVII в., образовалось в процессе борьбы с татарами, т. е. в XV—XVI вв., частью во второй половине XIV в., когда борьба была возможна по состоянию самой Золотой Орды.

В статье «Князь и город в Ростово-Суздальской земле» («Века», I, 1924 г.) я писал: «На севере в XII и в начале XIII в. начинают проявляться бытовые черты старой вечевой Киевской Руси, в основе своей общие укладу жизни всех волостей того времени, получавшие в различных волостях лишь различную степень и форму выражения в зависимости от местных индивидуальных условий волостной жизни». Но какова была общая тенденция в предмонгольскую эпоху, в каком направлении развивались политические связи и отношения? Само существование (в XII—XIII вв.) земель-

«волостей», областей-княжеств указывает скорее на тенденцию к политическому обособлению. Выделение сыну Всеволода, князю Константину, Ростова с пятью городами, выделение в семейное, отчинное владение Переяславля и Юрьева указывает на тенденцию к политическому дроблению в пределах отдельной земли-волости. Но на ряду с тенденциями к обособлению, с действием факторов разъединяющих, существовали тенденции к объединению, действовали факторы связывающие. Иными словами, несмотря на отсутствие единого централизованного государства, на Руси действовали, на ряду с силами в направлении к обособлению, силы в направлении к единству. Я разумею сферу политической жизни, хотя сказанное можно распространять и на другие стороны отношений того времени. В статье «Князь и город...» я показал, что фактором, тормозившим процесс дробления, служила деятельность «старейшего» города. В Ростовской волости — вследствие продолжительной оторванности ее от Юга и в силу сложившихся особенностей местного быта — старейший центр Ростов получил особенное значение, играя роль главы местной внутренней волостной организации, «изначально» являясь политическим и военным руководителем волости, этим самым объединяя другие поселения и охраняя единство земли («Века», I, стр. 27). Но действие сил в направлении к единству можно обнаружить и вне пределов земли-волости. Еще в домонгольскую эпоху сложились условия, благоприятствовавшие образованию сильной княжеской власти на Северо-востоке. Через Ростово-Суздальскую землю проходил водный путь, связывавший области Руси с Востоком. Другие пути из Руси на Восток шли из Киевщины через области северного Черноморья. В XI в. сношения с Востоком на этих южных путях были затруднены вследствие нашествия половцев, что, на ряду с другими причинами, ускорило рост экономического и политического значения Ростово-Суздальской земли, где шло движение по водным путям к Каспию. Понятно, что на Северо-востоке образовалась социальная среда, способствовавшая развитию сильной княжеской власти, претендовавшей на значение общерусской власти. Материал свидетельствует о том, что в XII и в первой половине XIII в. развернулась борьба за политическое преобладание на территории Восточно-европейской равнины; в источниках красной нитью проходит соперничество между двумя сильнейшими княжествами — Черниговским и Ростово-Суздальским (или Владимиро-Переяславле-Ростовским), стремление двух сильнейших княжеств, лежавших на территории Волжско-Окского бассейна, утвердить свое влияние в других областях и держать в своих руках все важнейшие политические центры и торговые узлы. Известно, что Всеволод распространил свою власть на Киев и сферу своего влияния на Великий Новгород. Он достиг успехов в борьбе с черниговскими князьями за влияние в Рязани, Смоленске и Витебске. Неудачи Всеволода в конце его княжения и перерыв в борьбе создали впечатление, что осуществление в XII в. политических задач, преследуемых северо-

восточными князьями, было последней вспышкой догоравшего пламени. Это не совсем верно. Незадолго до нашествия монголов мы наблюдаем новую вспышку, борьба возобновляется. А перед самым нашествием, после того как Михаил Черниговский вокняжился в Галиче, посадив в Киеве Изяслава, когда Киев стал предметом борьбы между Изяславом и Владимиром, Ярослав Суздальский, князь Переяславля-Залесского, в 1236 г., обладая княжением в Великом Новгороде, двинулся на юг, оставив в Новгороде сына Александра (впоследствии—Невского), и занял Киевский стол.

Рост местного боярства, властного и независимого, сильного и политически влиятельного землевладельческого класса, заставляет князя искать опоры не только в боярской среде. К великому сожалению, история классовой борьбы и классовых настроений в предмонгольской Руси изучена далеко не достаточно. Почти не использован, например, такой важный памятник, как «Слово Даниила Заточника». Признаки сильного боярства с широкими привязанностями мы замечаем и на Северо-востоке. Но особенную силу получило, как известно, боярство в Юго-западной Руси.

Монголы использовали существовавшие на Руси политические отношения. Решающим моментом при выборе политической линии монголами вначале была их оценка общей ориентации того или иного князя или группы князей (отношения князя к хану, его внешнеполитической ориентации) и классовых столкновений. Интересы татар как властителей побудили их в связи с опасностью, грозившей монгольскому владычеству с Запада, поддерживать северо-восточного князя в его соперничестве с черниговским. На Юго-западе, где князь не отказывался от борьбы с Ордою и где исключительную силу имело боярство, монголы, опираясь на окраинные области Юго-западной Руси, учитывали враждебное отношение местного боярства к князю. На Северо-востоке усилия монголов были направлены к тому, чтобы использовать в интересах своего владычества и князя и местное боярство и изолировать массы в их противодействии порядкам ордынского владычества. Последнее относится преимущественно к князьям ростовской группы: отношения с ними приобретали особую остроту, поскольку их княжением охватывался «старейший» вечевой центр волости (Ростов) и наиболее тесно связанные со «старейшим» городом «пригороды» (Ярославль, Углич, Белоозеро, Устюг) и поскольку вечевой центр волости оказался вечевым центром восстаний против порядков ордынского владычества, выступлений масс против монгольских завоевателей, точнее — против монгольской степной аристократии. Чрезвычайно важно, что анализ материала позволяет мне установить тождество между организацией, отмеченной летописью под 1257 г., и баскачеством. Тем самым настоящее исследование неопровержимо устанавливает, что непосредственная организация татарского владычества на Руси была в руках монгольской степной аристократии. Вывод, добытый мною путем анализа материала, получается, таким образом, широкое значение.

Определяющим мотивом политики монголов в XIV и начале XV в. было желание не допустить значительного усиления какого-либо князя или княжеской группы; политика монголов была направлена к разжиганию розни и местного сепаратизма. Даже воздействуя на ход организации «великого княжения Владимирского», они принимают меры, имеющие в виду не допустить усиления личного влияния князя, получившего ярлык на великое княжение Владимирское. Основная линия политики монголов побуждала их поддерживать политический сепаратизм. Образование централизованного государства явилось, таким образом, отнюдь не в результате мирной деятельности монголов-завоевателей, а в результате борьбы с монголами, когда борьба стала возможна, когда Золотая Орда начала слабеть и разлагаться, и на русском Северо-востоке поднялось народное движение за объединение Руси и за свержение татарского владычества.¹

¹ Первая глава настоящей книги первоначально была посвящена некоторым вопросам истории домонгольской Руси. Она выпущена мной в интересах архитектоники книги. Выводы исследования этой главы частью приведены мной в одной из статей, написанных для подготовляемого к изданию многотомника по истории СССР, и в статье «Татарское иго в освещении М. Н. Покровского». Работа над монографией «Монголы и Русь» была начата в 1924 г., и в 1934 г. монография была представлена для напечатания в Историко-археологический Институт Акад. Наук СССР.

ГЛАВА I

В течение 1237—1242 гг. армия, посланная монгольским императором, завоевала Северо-восточную Россию, Киевщину, Польшу, Венгрию и Моравию и вторглась в пределы Австрии и Балкан.¹ Получив известие о смерти императора Угедея,² монгольское войско, не потерпев ни одного поражения, двинулось через Молдавию и Валахию обратно на Восток.³ Один из главных военачальников, внук Чингис-хана, князь Бату или Батый, остановился в Поволжье и присоединил страну «орусов» вместе с Кипчаком и Северным Кавказом к территории своего удела, входившего в состав великой монгольской империи.⁴ Его удел охватывал теперь не только «лесные народы» от низовьев Селенги до Иртыша, северную часть Се-

¹ G. Strakosch-Grassman, *Der Einfall der Mongolen in Mitteleuropa in den Jahren 1241 und 1242*, Innsbruck, 1893; D. Wolff, *Geschichte der Mongolen oder Tataren*, Breslau, 1872.

² Угедей умер в декабре 1241 г. См. Стенли Лэн-Пуль, *Мусульманские династии*, пер. с примеч. и дополн. В. Бартольда, СПб., 1899; G. Strakosch-Grassman, *op. c.*, 172; Иакинф, *История первых четырех ханов из дома Чингисова*, СПб., 1829, стр. 285: «В день сивь-мао на рассвете преставился в походном дворце, на 13-м году царствования, на 56-м от рождения».

³ Strakosch-Grassman, *op. c.*, 172—173; W. Barthold, *Batu-khan* (*Encyclopaedie des Islām*, t. I).

⁴ Свой удел Батый получил от отца — Джучи, старшего сына Чингис-хана. Батый был вторым сыном Джучи. Старший сын Джучи — Орда, по видимому, уступил первенство Батью (?); по словам Рашид-ед-дина, Орда «при жизни отца и после того был в (большом) почете и уважении и хотя премником Джучи был второй сын — Бату, но в ярлыках, которые Менгу-каан писал на их имя по части управления и ясы (законоположения), имя Орды он ставил впереди. Орда был доволен назначением Батыя на царство и сам уладил возведение его (на престол) на место отца. Из войск джучиевых, одной половиной правил он (Орда), другой — Бату» (см. Тизенгаузен, *Материалы по истории Золотой Орды*, II, персидские тексты, рукопись б. Ав. муз. АН, III, 295; не изд.; мы пользовались также переводами проф. А.А. Рамаскевича и С. Волина с дополненного и проверенного материала проф. Barthold, *Batu-khan* (*Encycl. des Islām*, t. I); ставка Орды находилась, по свидетельству Карпини, к востоку от озера Ала-Куль (см. Карпини, изд. 1911 г., Лэн-Пуль, стр. 183, примеч. В. Бартольда).

Некоторые выводы настоящего исследования включены мною в статью, написанную для многотомной истории СССР, материалы которой были использованы при составлении учебника по истории СССР для вузов (см. *История СССР*, т. I, М., 1939 г., стр. 4).

миречья, все нынешние Киргизские степи, Хорезм и Мазендерап, но также Кипчак, Поволжье, значительную часть русской равнины, северное Причерноморье и Кавказ до окраины «прохода Бакинского».¹

Русские северо-восточные князья были оставлены в своих отчинах, утверждены в качестве местных правителей. Им пришлось поехать в ставку Батыя, где великого князя Ярослава Всеволодовича,² а вслед за ним и других князей Ростово-Суздальской земли пожаловали княжениями и отпустили «расудивъ имъ кождо в свою отчину».³ На Руси признали, что Русская земля стала землей «Канови и Батыевъ» (т. е. землей Батыя и каана, или монголь-

¹ К тому же Аран и Азербайджан Джучи считал также принадлежащими к своим становищам; впоследствии эти области были предметом постоянного раздора между золотоордынскими Джучидами и иранскими Хулагуидами. См. В а р т о л д, Batu-khan; его же, Очерк истории Семиречья, Верный, стр. 115—117; ср. Летопись Вассафа, главу о причинах вражды Хулагу и Берке (Т и з е н г а у з е н, Материалы, II, не изд.); Труды чл. Росс. дух. миссии в Пекине, т. IV, 131—132, примеч. 499, 500; ср. Рашид-ед-дин (Т и з., II, не изд.).

² Великий князь владимирский Юрий Всеволодович, как известно, был убит в битве при р. Сити (Лавр., 1238), и Ярослав сел во Владимире на столе после ухода Батыя, в 1238 г. (см. под 1238 г. Лавр., Воскр. лл. и др.).

³ «Батый же почти Ярослава великою честью, и мужи его, и отпусти, и рек ему: «Ярославе! буди ты старѣй всѣмъ княземъ в Русскомъ языкѣ». Ярославъ же възвратися в свою землю, съ великою честью» (Лавр., 1243). «Князь Володимиръ Костянтинович, Василкович, Василий Всеволодович, и с своими мужи, поѣхаша в Татары к Батыеви про свою отчину; Батый же, почтивъ я чествою достойною, и отпустивъ я, расудив имъ кождо в свою отчину, и приѣхаша с чествою на свою землю» (Лавр., 1244). Ср. в Истории инока Маганя (XIII в.) о поездке Смбага, брата армянского царя Гетума, к Батю (по Патканову — к Гуюну); последний «пожаловал его землей и ленными владениями» (?) (или — другое значение — «б л а г о в о л е н и е м», р а с п о л о ж е н и е м»), дал великий ярлык, золотые паизы...» (см. История монголов инока Маганя, XIII в., пер. К. П. Патканова; СПб., 1871, стр. 18, 80—81; ср. Q u a t r e m è g e, Histoire des Mongols de la Perse, écrite en persan par Raschid-ed-din, т. I, стр. 216—217). О ярлыках русским князьям русские летописи упоминают только в известиях, начиная с XIV в. Но из одной записи на оборотной стороне договорной грамоты великого князя с Новгородом (Ярослава Ярославовича, 1270 г.) мы узнаем, что приезжали послы Чевгу и Байти «сажать Ярослава с грамотою» (С. Г. Г. и Д., I); ср. в Ипат. л., под 1255 г., о «Батыевой грамоте» венгерскому королевичу Александру, сидевшему в Кременце; см. В. Г р и г о р ь е в, Россия, и Азия, СПб., 1876, стр. 175—177. Летописные известия XIII в. ничего не говорят и о том, участвовал ли ордынский посол в «посажении» князя на великокняжеском столе в первые десятилетия ига; например: «посаженъ бысть въ Володимери на столѣ князь Василий Ярославичъ меншии и бысть князь великии Володемерскии и Новугородцкии» (Симеон., 1272); указанная нами запись на договорной грамоте 1270 г., когда Ярослав Ярославович был вновь принят новгородцами на стол, прямо говорит, что Чевгу и Байти приехали «сажать» Ярослава; возможно, таким образом, допустить предположение, что уже в XIII в. сажал великого князя на великокняжеском столе ордынский посол; ср. Льв. л. под 1431 г.: «а съ нимъ (Василием Васильевичем) посолъ Монсырь Уланъ царевичъ, тотъ его посадилъ октября 5, а индикта 8»; характерно, что это известие, сохранившееся в составе митрополического летописца, в великокняжеских сводах опущено (см. Симеон. л. и Эрмитажный список Гос. публ. библ. им. Салтыкова—Щедрина. № 416 б).

ского императора) и что «не подобаает» на ней «жители не поклонившиеся има». ¹ Организация данничества в завоеванной России, наравне с другими областями империи, стала в непосредственную зависимость от императорского двора. Собранные подати или часть их, помимо Батая, шли прямо в императорскую казну, где решались вопросы организации сбора налогов в провинциях. ²

Первые годы владычества татар совпали с временем междуцарствия в монгольской империи, когда делами правила вдова императора Угедея — Туракина. ³ При дворе регентши стал пользоваться полным доверием магометанин Абдур-Рахман, прибывший первоначально в Монголию в качестве купца. ⁴ В самом конце царствования Угедея ему, вопреки настояниям главного министра Елюй-Чуцая, был отдан на откуп сбор налогов в Северном Китае. ⁵ При Туракине его поставили во главе управления финансами империи, ⁶ и откупная система получила, вслед за тем, широкое применение; в правлении Гуюка (1246—1248) большое количество купцов доставали разрешения на сбор налогов с провинции в виде платы за поставки на императора; ⁷ а со смертью Гуюк-каана князь Чингисханыда давали полномочия на сбор налогов в Иране. ⁸

Подобного рода способ сбора податей практиковался при Туракине и Гуюк-каане, повидимому, и в пределах завоеванной России. Плано Карпини рассказывает, что в бытность его в России «был прислан туда один саррацин, как говорили из партии Гуюк-каана и Батая». Этот «саррацин» (вероятно — мусульманский купец) увел часть населения, «остальных же, согласно своему обычаю,

¹ Сказание о князе Михаиле Черниговском, приписываемое о. Андрею (Н. Серебрянский, Древнерусские княжеские жития, тексты, стр. 55, в Чт. в Общ. ист. и др. рос., 1915, кн. 3); редакция эта появилась по определению Серебрянского, во второй половине XIII или не позже начала XIV в. (ор. с., стр. 115).

² Так, например, по Юань-ши (официальная китайская летопись) в 1253 г. «князь Бату прислал Тобчи просить у хана (императора) 10 тыс. слитков серебра (около 140 тыс. руб. серебром) на покупку жемчугу. Хан дал только тысячу слитков...» и т. д. (И а к и н ф, ор. с., 1829, стр. 319); см. G a b i l i, Histoire de Gentschiscan, p. 140—144, и в Китайской истории Ганьму, в изложении Каменского (не изд.): «При Мунгальском дворе татарин Ахама (Ахмет) был главным сборщиком государственных в Западе оброков, кои прямо относятся к императору» (Китайская история Тунь-дзянь-Гань-му, «перевод сделан Каменским», Рукоп. отд. Гос. публ. библ. им. Салт.—Щедр. № F. IV. 192); это было при Хубилае; о «бесурмине», приехавшем от Хубилая на Русь, см. ниже.

³ Л э н - П у л ь, ор. с., стр. 179; И а к и н ф, ор. с., стр. 290, 295.

⁴ D' O h s s o n, Histoire des mongols, t. II, 1834, стр. 189; И а к и н ф, ор. с., 292, 293.

⁵ D' O h s s o n, II, 189—190; И а к и н ф, ор. с., 281—282.

⁶ D' O h s s o n, II, 190; Histoire générale de la Chine ou annales de cet empire; traduites du Tong-kien-kang-mou, par... Mailla, t. IX, Paris, M. DCCCL. XXIX, 237—238.

⁷ D' O h s s o n, II, 266.

⁸ D' O h s s o n, III, 125—127; ср. ibid., II, 265.

⁹ «Монголы называли магометан sartol. Это слово, как и название саррацины, происходит от арабского sharki—«восточный». Ср. Rockhill (примеч. Маленна к Рубруку, стр. 192).

пересчитал и наложил на них дань шкурами.¹ Северо-восточные летописные своды не сохранили упоминаний об этом перечислении. Имело ли это перечисление местный характер и пришли ли вслед за ним на Северо-восток какие-либо ордынские чиновники, — сказать трудно; во всяком случае, известия за эти годы о «баскаках» (монгольских военачальниках, которые держали «в повинении покоренное население») относятся только к Южной России.²

Появление военно-политической организации в Северо-восточной Руси последовало, согласно нашим летописным сводам, вслед за переписью 1257 г.

«Исчисление народу в России» в 1257 г. находилось в известной связи с общеимперскими мероприятиями, предпринятыми в царствование императора Менгу (1251—1259), возведенного на престол после смерти Гуюк-каана. В Китае и в Трансоксиании (1250—1251), а вслед за тем и в Иране (1251—1253) был введен налог (в Трансоксиании и Иране, как известно, он был поголовным), пропорциональный силам плательщиков.³ Решение о реформе подат-

¹ См. П л а н о К а р п и н и, История монголов, пер. Малеева. СПб., 1911, стр. 33. Немного выше П. Карпини говорит: «Надо знать, что они не заключают мира ни с какими людьми, если те им не подчинятся... И вот чего Татары требуют от них: чтобы они шли с ними в войске против всякого человека, когда им угодно, и чтобы они давали им десятую часть от всего, как от людей, так и от имущества» (ibid., стр. 33); (ср. Воскр. л., под 1238 г.: «тоя же зимы приидоша отъ восточныя страны на Рязанскую землю, лѣсомъ, безбожнии татарове съ царемъ Батыемъ... и оттолѣ (с Онузы А. Н.) послаша послы своя, жену цародѣицу и два мужа с нею, ко княземъ Рязанскимъ, просяще у нихъ десятины во всемъ: во князехъ, и въ людехъ, и въ конехъ, 10-е в бѣльхъ, 10-е въ вороньхъ, 10-е въ бурьхъ, 10-е въ рыжихъ, 10-е в пѣрыхъ»).

² См. в Ипат. л., под 1255 г., о пленении «баскака» Львом: «приѣхаша Татарѣ ко Бакотѣ и приложися Милѣи к нимъ, Данилови же пошедшу на войну на Митву, на Новгородокъ, бывшу роскалю, посла сына си Лва на Бакоту, посла Левъ дворянского перед собою; изѣхавше яша Милѣи (и) баскака». Бакота — город в «Понизьи» (Юго-западной Руси). См. Н. Б а р с о в, Материалы для историко-географ. словаря России, Вильна, 1865, стр. 3; см. А. К р ы л о в, Населенные места Подольской губ., Каменец-Подольск, 1905, с. Бакота, Ушицкого у., в 40 в. от уездного города. См. у П. Карпини о разрушении по указанию «башафа» (баскака) какого-то города «в земле Романов» (т. е. половцев, тюрков-степняков): «башафов (bascathos), или наместников своих они ставят в земле тех, кому позволяют вернуться; как вождям, так и другим подобает повиноваться их мановению, и если люди какого-нибудь города или земли не делают того, что они хотят, то эти башафы возражают им, что они неверны Татарам, и таким образом разрушают их город или землю, а людей, которые в ней находятся, убивают при помощи сильного отряда Татар, которые приходят, без ведома жителей, по приказу того правителя, которому повинуется упомянутая земля, и внезапно бросаются на них, как недавно случилось, еще в бытность нашу в земле Татар, с одним городом, который они сами поставили над Русскими в земле Романов» (К а р п и н и, изд. 1910 г., стр. 34).

³ D' O h s s o n, II, 262, 263—266; III, 127. «Cette proposition ayant été approuvée, le maximum de l'impôt personnel en Perse fut fixé à sept dinars, et le minimum à un dinar; tandis que, dans la Chine et dans la Transoxiane, les plus pauvres étaient taxés à une pièce d'or et les plus riches à quinze (Raschid). Selon Djouveini en Chine et dans la Transoxiane les plus imposés payaient dix pièces d'or, et les moins imposés en payaient une» (op. c. II, 263); «la taxe sur le bétail, appelée countchour, fut fixée à une tête

ного дела повело за собою новые переписи в империи. В 1252 г. была учинена «перепись народу китайских земель».¹ В 1253 г., по возвращении из Монголии правителя Ирана — Аргуна, произвели перепись в Иране.² Одновременно решено было при дворе произвести перепись и в пределах России: в 1253 г., как сообщает официальная китайская история Юань-ши, император отправил Бицик-Берке сделать «исчисление народу в России».³ Едва ли можно сомневаться, что это был тот самый Берке или Беркай, который, по словам Новгородской летописи, был одним из главных «численников», прибывших в 1258 г. (1259) в Новгород для переписи населения.⁴ В Юань-ши (99 цз.) мы находим именно форму «би-чже» в значении «секретарь».⁵ Армянский историк XIII в. Киракос (1201—1272) переводит «бичикчи» (бицикчи) словом «писец».⁶

par cent de chaque espèce, et ceux qui possédaient moins de cent pièces en étaient exempts (ibid., 264). «После сего, — читаем в Юань-ши (1251), — при дворе введены новые постановления, которых требовали обстоятельства времени. Хан приказал отобрать все печати, которые придворными чинами или князьями без разбора были выдаваемы» (И а к и н ф, ор. с., 308).

¹ По Юань-ши; см. И а к и н ф, ор. с., 316.

² D' O h s s o n, III, 128; ср. К. П. П а т к а н о в, История монголов по армянским источникам, в. II (из истории Киракоса), СПб., 1874, стр. 78; по Киракосу, Аргун был отправлен произвести перепись в 703 г. (1254—1255) армянской эры; ср. К. П. П а т к а н о в, История монголов Магакии, XIII в., СПб., 1871, стр. 23—24. Имеются указания, что за единицу при переписи (в Армении, Грузии, Агвании и окрестных областях) брали мужского пола душу (см. П а т к а н о в, ор. с., в. II, стр. 78 (из истории Киракоса); M. Grosset, Histoire de la Géorgie, p. 1, l. 2, 1850, стр. 552); данные о том, что брали за единицу при переписи населения в Грузии противоречивы (см. Grosset, ор. с., стр. 551).

³ См. И а к и н ф, ор. с., 319; И. Б е л я е в, Лекции по истории русского законодательства, М., 1879, стр. 271.

⁴ См. Новг. I, 1259; P o r., 1259; E. B r e t s c h n e i d e r, Mediaeval researches from Eastern Asiatic sources, v. II, London, 1910, p. 80, примеч. 840. «Тои же зимы приѣхаша оканьнии Татарове сыроудцы Беркай (Берка) и Касачик с женами своими и инѣх много», и далее: «И бысть заутра съѣха князь с Городища, и оканьнии Татарове с нимъ. И злыхъ свѣтомъ яшася по число» (Новг. I, 1259). «Того же лѣта придоша изъ Орды въ Новѣгородъ Берка и, Кадикъ десятины просити и выгнаша ихъ не давше» (P o r., 1259); ср. Новг., I, 1257 г.; Касачик (Кадикъ?), может быть, — численник, посланный от Батыя, наряду с Берке, который был отправлен императором; по крайней мере об отправке Касачика вместе с Берке Юань-ши не упоминает; ср. у Киракоса о том, что в 703 г. (1254—1255) армянской эры «Мангу-хан и великий военачальник Бату отправили сановника Аргуна... и другого вельможу из Орды Бату, Тура-Ага, со многими другими чиновниками — произвести перепись...» (П а т к а н о в, II, 78). Кадика (имя человека) значит собачка. Солонское «речение»; на китайском — «хэ-си» (прибавление из Исторического словаря династии Гинь; И а к и н ф, ор. с., 395).

⁵ А. И. И в а н о в и Н. В е с е л о в с к и й, Походы монголов на Россию по официальной китайской истории Юань-ши; Зап. разряда военн. археологии и археографии Русск. военно-истор. общ., т. III, II, 1914, стр. 22; B r e t s c h n e i d e r, II; ср. Q u a t r e m è r e, ор. с., (R a s c h i d - e d - d i n), стр. 297; «le bitketchi (secrétaire), qui était un des principaux émirs».

⁶ П а т к а н о в, II (Киракос), 49; ср. H a m m e r - P u r g s t a l l, G e s c h. der Gold. Horde, Pesth, 1840, стр. 240.

В Иране «битикчи» (бицикчи) выступали при Гассане как раз в роли численников.¹

В 1257 г., когда, согласно нашим летописям, приступили к переписи в России, император, по словам Юань-ши, назначил в Россию сына своего зятя — Китата² на должность даругади;³ в их обязанность в провинции, помимо общего надзора за ходом дел по праву хранителей печати, входили: перепись населения, сбор дани и доставка ее ко двору.⁴ Наши сведения о том, как производили перепись, дают основание предполагать, что за единицу считали не мужскую голову, а дом или семейство подобно тому как это издавна было принято в Китае.⁵

¹ D'Ohsson, IV, 380 и др. (Raschid); «il (Gazan) ordonna l'envoi dans chaque province d'un Bitiktchi chargé de dresser un état de toutes ses communes, et de réparer les impôts d'après le dernier recensement, en ayant soin que les impositions soient modérées... Les Bitiktchis allèrent dans les provinces, levèrent le cadastre de chaque commune, et en firent les impositions» (ibid., 380); см. также стр. 375. Ср. Hammer-Purgstall, Geschichte der Ilchane, в. II, Darmstadt, 1843, стр. 171. Как видим, «исчисление народу в России» началось не сразу вслед за отпращиванием Вицик-Берке в Россию. Батые уже не было в живых; он умер в 1255 г. (653 г. — 10 февр. 1255 г. — 19 янв. 1256 г.); сын его Сартак, утвержденный императорским приказом главою улуса Джучи, правил, вероятно, менее года (См. Лэн-Пуль, ор. с., Тивенгаузен, II, рукоп. б. Ав. муз., III, 295); к осуществлению императорского распоряжения о переписи приступили; таким образом, когда золотоордынским князем был уже несовершеннолетний Улагчи, поставленный по приказу императора во главе джучидских владений после смерти Сартака (см. Лэн-Пуль; Тив., II).

² Китат (имя человека) значит: Китай и китаец. Монгольское «речение». На китайском — «ци-дай, ци-да-дай» (см. Иакинф, ор. с., показание древних имен и названий, исправленных в историческом словаре династии Юань, стр. 368).

³ По Юань-ши, в 1257 г. «Китата, сына ханского зятя Ринция (император), назначил в должность Даругади в Россию» (Иакинф, ор. с., 331).

⁴ «Кроме общего надзора за ходом дел, по праву хранителя печати, дарухачи в провинциях имел еще другие обязанности или права, упоминаемые в Юш. (ца. 7, 16), а именно: 1) перепись жителей; 2) набор войск из туземцев; 3) устройство почтовых сообщений; 4) собрание податей и 5) доставка ко двору дани (говорится о дарухачи в Аннаме как внешнем владении)» (примеч. арх. Палладия к «старинному монгольскому сказанию о Чингисхане» — Юань-чао-ми-ши, Труды чл. Росс. дух. миссии в Пекине, т. IV, СПб., 1866, стр. 256).

⁵ По китайской истории Ганьму, когда было решено (в 1236 г.) учинить перепись народонаселению в Китае, «все чины просили, чтобы каждого совершеннолетнего мужчину считать за дом; но Елюй-Чуцай воспротивился сему. Тогда единогласно сказали ему: «В нашей державе, равно и в западных царствах, везде один совершеннолетний считается за дом. Как можно, оставя уложение великой державы, принять систему царства погибшего?» Елюй-Чуцай сказал на сие: «От древних лет, как существует Китай, никогда одну мужскую душу не считали за дом. Но если в самой вещи принять сие, то успеем собрать подати только за первый год, а потом все разбежится». Монгольский государь принял мнение Елюй-Чуцай, и Хадаку представил монгольскому государю перепись, по которой оказалось 1 040 000 семейств, или домов» (Иакинф, ор. с., 264). Как видим, во время переписи 1236 г. в Китае принимали за податную единицу, следуя древнему китайскому обычаю, «семейство, или дом» (а не мужскую голову); как было во время последующих переписей в Китае, — мы